

Это Ким Сокмин был тем, кто унял распалившегося Ким Минхо. Го Ёхан, усмехаясь, встряхнул ложкой, с которой свисали прилипшие рисинки, а Ли Сокхён, довольно ухмыляясь, хлебал свой суп. Один Ким Минхо закусил губу и выплюнул привычную порцию отборной брани.

— Бля, хорошему парню приходится всех сдерживать. Козёл ты, Го Ёхан.

— ...

Пока меня не было, привычная динамика между этой четвёркой вернулась на круги своя. Почему? Естественно, у меня возникли вопросы. В чём дело, Го Ёхан? Ты же говорил, что не водишься с двуличными ублюдками. Я прищурился и закусил губу.

И всё же причина, по которой я держал рот на замке и только шнырял глазами по сторонам, крылась в том, что кое-что изменилось.

Во-первых, Ким Минхо, который всегда сидел рядом с Го Ёханом, теперь сидел рядом со мной.

Это было неоспоримое доказательство падения его ранга.

— Но, знаешь, китайское кимчи на самом деле вкуснее.

— А мне насрать.

Даже Пак Дончоль, втиснувшийся в разговор с неловким смешком и пытавшийся поддерживать беседу, оставался самим собой. Таким же оставался и Ким Минхо, который тут же осадил его резким замечанием. Эта их динамика не изменилась.

Я отмахнулся и снова взял палочки. Может, просто пойти сполоснуть их? Я всё ещё колебался, когда грубый голос Ким Минхо врезался в самое ухо.

— Так вы, блин, правда поссорились?

— Мы?

С какой стати он так близко подобрался? Раздражённо откинувшись назад, я переспросил. Ким Минхо кивнул, как будто это было само собой разумеющимся.

— Конечно, придурок. Ну, вы с Го Ёханом поссорились, нет?

Интересно слышать это от одного из главных актёров этой холодной войны. Если Го Ёхан был зачинщиком, то Ким Минхо был её злорадным наблюдателем. Он вёл себя так, будто меня не

существовало, но стоило мне начать обедать с Го Ёханом, как он тут же зажужжал вокруг, как назойливая муха.

Жалкое зрелище. Почти гротескное - как он, даже будучи так жалко растоптанным, всё ещё не мог выползти из тени Ёхана.

— Эй, Кан Джун, Кан Джун, колись. Что случилось? Ты ведь начал первый?

Он продолжал тыкать меня локтем в бок, хитро выпытывая ответы, само собой, не смея спросить самого Ёхана. Ха. Да, я понял. Для них я всё ещё на ступень ниже.

Ёхан, тем временем, запихивал в рот несколько кусков сосиски одновременно, громко жуя. Для человека, который обычно вёл себя так утончённо, Го Ёхан на дух не переносил тех, кто говорил с набитым ртом. Так что, очевидно, он не собирался мне здесь помогать. Я мысленно махнул рукой и быстро сменил тактику.

— Просто немного повздорили. Всё нормально. Подростки спорят. Это часть взросления, так ведь?

— Хрень собачья.

— Это правда. Ёхан, скажи.

Я перекинул мяч на сторону Ёхана. Пожевав с верблюжьей невозмутимостью, он наконец проглотил и подал голос, с обычной насмешкой:

— Ага. Парни лучше всего взрослеют именно на мелких ссорах.

— Ха! Видите? Значит, Кан Джун виноват. Ну, что ты такого сделал? Опять строил из себя паиньку, да? Спорим, вышагивал, как последний придурок, игнорируя всех, кто с тобой здоровался.

— Эй, всё было не так.

— Ой, да лааадно, я не тупооой...

С театральным стуком Ким Минхо с силой приложился лбом о дешёвый, ламинированный стол, словно в плохом комедийном шоу, драматично схватился за голову и завыл.

— Ай, чёрт! Господи, как больно! Бля, ай!

— Что за хрень он творит? Это даже не смешно.

Голос Ли Сокхёна прорезал его представление. И тут же шумный Ким Минхо заткнулся, неловко потирая лоб пальцами.

— Блин, пацаны. Раньше вы от этого угарали. Когда у вас чувство юмора отсохло?

— Пфф, что смешного в твоём визге, как у резаной свиньи?

— Ты кого сейчас назвал свиньей?

— Ты чего взбесился? Раньше просто смеялся и всё.

Тон Сокхёна был как всегда, но что-то в атмосфере переменялось, стало тревожнее. Ким Минхо, демонстративно игнорируя его, помахал однокласснику через весь зал - ясный сигнал, что он хочет выйти из конфронтации.

— Мелкий ты говнюк. Не строй из себя невесть кого, — огрызнулся Минхо.

— Эй, чувак, свинья есть свинья... — усмехнулся Сокхён, а затем вздохнул, — Ладно, понял. Не буду я тебя так называть. Минхо. Ким Минхо. Доволен?

— ...

Минхо, скривившись, бросил палочки на поднос и заткнулся. Ёхан, наблюдавший за ними с обычным отстранённым весельем, попил воды, хотя его стакан был абсолютно пуст.

Тук-тук. Он ритмично барабанил пальцем по столу, насвистывая странный мотивчик. Тем временем Ким Сокмин, почувствовав напряжение, внезапно повернулся к однокласснику, сидевшему в отдалении, и громко крикнул, словно пытаясь заглушить тлеющую вражду.

— Эй! А какой у нас пятый урок?

Издали донеслось:

— Английский.

Ким Минхо проворчал ответ, больше себе самому, чем кому-либо:

— У нас физра. Бля. Бегать сразу после обеда, кто вообще такое расписание составлял? Полное

дерьмище.

— Ага, хреново.

Естественно, единственный, кто удосужился ответить, был Пак Дончоль, притулившийся в углу.

Я не упустил возможности. Инстинктивно мой взгляд метался между ними, собирая воедино последствия борьбы за власть, которая развернулась в моё отсутствие.

Казалось, всё было ясно: Ли Сокхён и Ким Сокмин завоевали расположение под крылом Ёхана. Они поднялись выше, используя голову Ким Минхо как трамплин.

А затем мой взгляд вернулся к Пак Дончолю. Он сидел, согнувшись над подносом, нервно стреляя глазами по сторонам. Наши взгляды встретились.

Попался. Он застыл, выдавил натянутую, неловкую улыбку и снова уткнулся в еду.

Пак Дончоль.

Будем честны. Я до сих пор не простил ему тот чёртов футбольный мяч. Бесил меня тогда и бесит сейчас, пари чем не сам удар. А то, что он даже не извинился.

Самодовольный придурок стоял там, прекрасно себя чувствуя, не испытывая ни капли раскаяния. Если он был настолько бесстыжим, на то должна была быть причина.

Бьюсь об заклад, он подслушал то, что Ким Сокмин, Ли Сокхён и Ким Минхо говорили у меня за спиной.

Отлично. Проверим. Я открыл рот, забрасывая удочку, чтобы посмотреть, кто клюнет.

— У меня английский пятым.

— Эй! Вы слышали? Говорят, директор лысый.

— Серьёзно? Бля! Давайте проверим научно. У кого есть воздушный шарик?

— ...

Мои слова исчезли, проглоченные их громкими голосами. Просто испарились.

Прежде чем я успел договорить, Ли Сокхён уже перекричал меня, а Ким Минхо откинул голову назад и залился смехом. Даже Ким Сокмин влез, шутя о том, чтобы столкнуть директора с лестницы или дёрнуть его за волосы в качестве «розыгрыша».

— ...Ах.

Это было намеренно.

Я почувствовал, как кровь отлила от лица. Меня игнорировали и раньше, но эта до боли знакомая боль всё ещё жгла сейчас, спустя столько времени. Я положил палочки на поднос, и рука моя дрожала.

Этот идиот, Ли Сокхён, нарочно перебил меня и увёл разговор в бессмыслицу. Мои трясущиеся пальцы скользнули под стол, в спасительную темноту.

Я поднял голову. Сквозь затуманенное зрение я встретился взглядом с Го Ёханом, который, естественно, сидел прямо напротив меня.

И я это увидел.

Усмешку.

Ёхан, всё ещё игравший со своим пустым стаканом, усмехнулся. Его ухмылка говорила ясно: сколько ни старайся, ты всё ещё снаружи. Навсегда.

Затем, преувеличенно медленным движением, он опустил стакан и открыл рот.

— Ах, да. У меня тоже английский.

Реакция?

Небо и земля по сравнению с моей.

— Да ну, дерьмо! Английский? — захихикал Минхо. — Ты лучше просто проспи урок, Ёхан.

— Не смейся. Я щёлкаю эту херню как орешки, придурок.

— Да ладно? Говорит тот, кто списывал у Кан Джуна.

Ёхан лениво показал им средний палец, идиотам, которые были так уверены, что он списывал,

словно это была единственная правда.

— Это вам, мелкие ублюдки. Подавитесь.

Стол взорвался смехом.

И вот так, опять я не был его частью.

Моё лицо горело от унижения. Козлы. Я сжал кулаки под столом, уставившись в свою почти нетронутую еду. Грудь сдавило, вскипая знакомым, тошнотворным стыдом. Я ненавидел их. Ненавидел себя за то, что сидел здесь, за то, что терпел, за то, что не мог уйти.

— ...Джун-а, а ты чего не ешь?

Самый отвратительный придурок - тот, кто наконец выделил меня и заговорил. Ёхан, улыбаясь, аккуратно переложил последний оставшийся ролл с яичницей со своего подноса на мой.

— Ты же это любишь, правда? Ешь много.

Его голос был приторным, как сироп, а глаза пустыми.

После этого воцарилась странная тишина. Взгляды Ли Сокхёна и Ким Сокмина уставились на меня. Внезапное, липкое беспокойство накатило на меня, и я отвёл глаза. Что за атмосфера? Один Ким Минхо издал «Ааа-» и кивнул, прежде чем хитро усмехнуться. Настроение было жутковато-тревожным. Только Го Ёхан, казалось, был равнодушен к этой странной, неловкой сцене. Пока я пытался прочесть атмосферу, Ким Минхо внезапно вмешался.

— О, Го Ёхан. Теперь снова забота о нём?

Его тон был странно насмешливым. С этим парнем всё в порядке? Впрочем, зная Ким Минхо, вероятно, нет. Ли Сокхён и Ким Сокмин слегка покачали головами, явно думая о том же. Ким Минхо усмехнулся в их сторону.

— Что? Что такое?

— Что?

Го Ёхан лишь переспросил тем же, не сводя глаз с Минхо. Взгляд его был пронзительным, почти до дискомфорта. В глазах Ёхана не было света, только чёрная, непроглядная тьма, гипнотизирующая, вглядывающаяся всё глубже.

— Что плохого в том, чтобы заботиться о нём?

Ким Минхо усмехнулся, собираясь что-то сказать, но его лицо на мгновение исказилось.

— Есть проблема?

С каждым произнесённым Ёханом словом лицо Ким Минхо искажалось всё сильнее, бледнея. В тихом, едва уловимом давлении Ёхана Минхо наконец сдался.

— Да нет.

— Если нет, то не начинай разговор. Какой же ты идиот.

В тот момент, когда Ким Минхо признал поражение, Ёхан, отведя взгляд, улыбнулся и заговорил своим обычным, легкомысленным тоном. А что было после? Абсолютно ничего. Они вернулись к своей обычной, поверхностной болтовне, будто и не было этой стычки.

И это дало мне время переосмыслить их хрупкую дружбу. Время было после того, как закончился шестой урок. На перемене я вышел в коридор, надеясь избежать надоедливых парней с первой парты, и случайно столкнулся с классным руководителем.

— Джун-а. Ты куда направляешься?

— О, я просто гулял, чтобы немного проснуться.

— Ну тогда, не мог бы ты заглянуть в компьютерный класс? У меня там был урок, но после его окончания я очень спешила и забыла выключить компьютер на столе. Сможешь его выключить для меня? Думаю, у меня не получится вернуться туда до следующего урока. Сможешь?

Что в этом могло быть плохого? Я не хотел оставлять плохое впечатление.

— Конечно, без проблем.

— Огромное спасибо. Я бы без тебя не справилась. О! Если потом захочешь пить, зайди ко мне в учительскую. Я дам тебе холодный напиток, по секрету.

— Нет, спасибо, всё в порядке...

Я как раз подумал: нажму кнопку и дело с концом, как вдруг меня осенило. Подождите, сейчас же перемена, значит, экран заблокирован. Так что пришлось бы искать другого учителя, чтобы спросить пароль. Не желая терять время, я быстро снова окликнул её.

— Учитель, а какой пароль?

— Пароль?

— На компьютере. Чтобы вывести его из спящего режима, нужен пароль.

— Ах, да.

Казалось, она на мгновение забыла, издала растерянный звук, а затем, подумав, ответила:

— Ну, Джун ничего плохого не сделает, так что... 92406789. Запомнишь? Написать?

— Нет, запомню.

— Отлично. Спасибо большое!

Классный руководитель поспешила уйти, явно куда-то торопясь, и я почтительно поклонился ей на прощание.

Я рассеянно дошёл до компьютерного класса, где увидел знакомые фигуры: Ким Сокмин, Ли Сокхён и Пак Дончоль. Ничего особенного. Эти парни всегда пытались использовать компьютеры, когда класс был открыт. Учитель, наверное, попросила меня пойти, потому что беспокоилась, что они будут бездельничать. Думала, что я единственный, кто сможет их выгнать. Я не был уверен, была ли она наивна или действительно так сильно мне доверяла.

— ...Да уж.

«С ума сойду, если меня снова проигнорируют», — подумал я. На меня накатило привычное уныние. Я помедлил перед открытой дверью, но в конце концов решил просто выключить компьютер. Раз уж обещал.

Молча я пробрался к столу и тихо нажал клавишу Enter. Пластиковые кнопки издали щелчок, и в этот момент троица, вздрогнув, повернулась ко мне. К счастью, парни, прятавшиеся в задней части класса, были так увлечены разговором, что не заметили меня. Я убедился, что ввожу пароль как можно тише.

Не сводя с них глаз, я как можно бесшумнее поводил мышью. Затем один из значков на экране привлёк моё внимание.

— Хм.

Нет места более «вкусного», чем компьютерный класс. Должен же быть у учителей способ ловить учеников, которые отлынивают. Я предполагал, что такой есть, но не ожидал, что он будет таким очевидным. Секунду поколебавшись, я осторожно щёлкнул по подозрительной иконке.

Как только программа открылась, появилось более сорока новых окон. Как я и подозревал. Мой взгляд метался между тремя учениками и ярким монитором. Из всех открытых окон видно было только одно. Не сводя с них глаз, я повёл мышью. Щелчок. Изображение, появившееся на экране, было фотоснимком улицы.

Только тогда я перевёл внимание на экран. Место, которое они рассматривали, находилось прямо напротив того района, где я жил. На фото был старый дом с ржавой голубой крышей и потрескавшимися бетонными стенами.

Что это? Этот ветхий дом...

— Вау, это правда? Это его дом?

— Ким Минхо, этот придурок. Он реальное дерьмо.

В этот момент Пак Дончоль внезапно громко рассмеялся. Присмотревшись, я увидел, что он держит в руках классный журнал. Ах, да. Ким Минхо и Пак Дончоль были в одном классе. Я вдруг вспомнил, что в школьном журнале указаны домашние адреса учеников. Неудивительно, что учителя не доверяли его ученикам. Пак Дончоль, должно быть, раздобыл его каким-то образом.

— Я, конечно, догадывался, но не думал, что всё настолько плохо. Он, считай, в такой же ситуации, как Хан Тэсан? И всё равно так себя ведёт?

— Этот убудок занял у меня тридцать тысяч и до сих пор не отдал.

Пак Дончоль самодовольно сказал, размахивая журналом.

— Вау, Ким Минхо полный труп. Разве этот парень не вор?

Как ни странно, Ким Сокмин поддержал Пак Дончоля. Не пацифист, а трусливый политик. По моей спине пробежал холодок. Моё подозрение превратилось в уверенность. Рука, державшая мышь, слегка дрожала. Теперь я знал.

— Надо заявить в полицию. Ким Минхо не отдал мне деньги с прошлого года.

Ли Сокхён тихо усмехнулся.

Почему-то мне показалось, что я не должен слышать этот разговор. Инстинктивно я был уверен: нужно уйти, не попавшись. Глупо было подслушивать. Охваченный чувством вины, я пригнулся и тихо повёл мышью, чтобы выключить компьютер. Экран мгновенно погас, и появилось сообщение «ожидание». И тогда я осознал свою ошибку и беззвучно закричал внутри:

Я лихорадочно потянулся к динамику, подключённому к компьютеру.

Но было поздно. В наше время компьютеры обычно выключаются без звука, но я совершенно забыл насколько старыми и дырявыми были компьютеры в нашем классе - они пищали при выключении. Проблема была в том, что динамики стояли за стеклом на учительском столе. Понадобилось бы десять, девять, восемь, семь секунд... прежде чем моя рука смогла бы до них дотянуться.

Короткая музыкальная фраза, последний прощальный вздох старого компьютера, разнеслась по экрану, когда он погас. Я поднялся с корточек, закусив губу. Ну и влип же я. Думал, сегодня мой день, а тут... Чёрт, меня что, лихорадит? Я сглотнул поднимающийся гнев. Ладно, теперь нет смысла прятаться.

Когда я встал, я заметил, что три человека уставились на меня. Я небрежно поднял руку.

— Привет.

Они молчали, обдумывая.

— ...

— ...А, привет.

Это был Ким Сокмин, который первым, неловко поднял руку в ответ. Я решил поставить перед собой чёткую цель. Что они сделают, если узнают, что я подслушивал их сплетни? Я не хотел ввязываться в эту головную боль, но вот я здесь. Надо было избавиться от этой своей черты ещё давно. Это у меня в крови, наверное. Ничего не поделаешь.

Второй вариант, иметь дело с Ким Сокмином, пацифистом, который не хотел ссориться. Он был эгоистичным нейтралом, который хотел сохранить мир любой ценой. Эгоизм его был в том, что он оставался нейтральным, кто бы ни был жертвой или преступником. Мир Ким Сокмина держался на избегании, и я знал, что это избегание сослужит мне здесь добрую службу.

— Учитель попросила выключить компьютер. Она всегда просит меня о таком, когда видит.

— А...

— Я думаю, нам тоже скоро нужно выходить, а то дверь запрут.

Их взгляды встретились в воздухе, полные неуверенности. Я небрежно подался вперёд, стараясь вести себя так, будто это не имеет значения. Я не мог их здесь винить. Если бы я это сделал, они бы восприняли мою морализацию как нападение и сочли бы врагом. Так уж устроены парни. Я не мог избежать этого инстинкта, особенно если они думали, что я на одном уровне с Пак Дончолем.

— Как вы здесь оказались?

— А, мы с Сокхёном здесь занимались.

— А, понятно...

Я открыл рот и медленно кивнул. Я намеренно перевёл взгляд на журнал. Я видел, как взгляды всех троих скользнули за моим. Пак Дончоль, казалось, понял и неловко спрятал журнал за спину. Он пытался быть незаметным? Ещё секунду назад он держал его напоказ, а теперь прчет? Насколько тупым можно быть?

— Ну тогда...

Я ожидал, что они внезапно набросятся на меня, обвинив в том, что увидел то, чего не должен был, и будут вести себя как люди, застигнутые на месте преступления.

Ким Минхо, ты более впечатляешь, чем я думал. Даже когда Го Ёхан велел им бросить Ким Минхо, они продолжали сомневаться. Тот факт, что они не вышвырнули его из группы, доказывал его ценность.

Для Го Ёхана и их мира Ким Минхо был кем-то другим. Моё высокомерное суждение с позиции Ёхана только что получило пощёчину. Меня самого собирались вышвырнуть. Что я делал, глядя на них свысока? Неудивительно, что меня ударили по затылку. Так глупо.

Я перевёл взгляд на дверь и продолжил говорить. Притвориться, что я ничего не слышал, и уйти? Или показать, что я знаю всё?

— Нам, ребята, лучше пойти на следующий урок...

Подобно тому, как я не заметил падения Хан Джун У, потому что был слишком сосредоточен на нём, то же самое происходило и сейчас. Верно. Я всегда смотрел на мир через призму стандартов Го Ёхана. Но была и другая мерка, когда его не было рядом.

Мускулистый, накачанный быстрой едой, Ким Минхо. Но, учитывая его рост, его масса

становилась внушительным присутствием. Ким Минхо был даже выше Хан Джун У.

— Увидимся.

И все знали, кто лучше всех играет в качели в этой грязной школе. Летучая мышь Кан Джун. Тот, кто вынюхивает запах проигравших и ползёт к аромату победы. Маменькин сынок, переливший свой академический ум в политику. И поэтому я жил комфортной жизнью.

Я решил уйти, сделав вид, что не знает, что происходит.

— Я пошёл.

— ...А, давай.

Но действительно ли я жил комфортно? Если бы всё пошло немного иначе, я мог бы стать просто поставщиком денег или, другими словами, торговым автоматом с домашними заданиями для них.

Дверь была открыта, и всё, что мне нужно было сделать, это переступить порог. Но причина, по которой я топтался на месте, была...

— Эй, Кан Джун.

Он точно должен был заговорить. В отличие от пацифиста Ким Сокмина, Ли Сокхён был из тех проныр, кто думает, как извлечь выгоду из ситуации. Он обязательно хотел бы убедиться. Я не прекращал играть свою роль и повернулся, изображая удивление.

— Что?

— Ты собираешься что-то сказать?

Ли Сокхён полуобернулся, чтобы спросить. Казалось, все трое были уверены, что я всё слышал. Знали ли они, что именно я слышал? Если это был Ли Сокхён, то да. И я очень хорошо знал, что мой ответ здесь был самым важным.

— Что? Кому?

— Ты же всё слышал, да? Скажешь Ким Минхо?

Вау, Ким Минхо. У него действительно был талант к политике страха. Или, может быть, его габариты, которые и давали ему силу... Обычно я думал, что мне всё равно, узнает он или нет,

так как люди постоянно его не уважали, обзывали свиньёй и всё такое. Так почему же я просто не держал язык за зубами в его отношении? Что он пытался сделать? Я просто не мог этого понять.

— Ты же знаешь, что Ким Минхо в плохих отношениях с Ёханом?

— Ах, я не знал...

— Да, наверное, ты был слишком занят учёбой, чтобы заметить, но у нас к нему есть претензии.

Я посмотрел вниз на ручку раздвижной двери, принижая их мелочные внутренние распри и хваля дикую политическую хватку Ким Минхо. Передо мной лежало два пути: шантаж или союз.

— Дончоль уже давно устал от херни Ким Минхо... Так что ты собираешься делать?

Кажется, Пак Дончоль выбрал путь союза. Оглядываясь назад, я понимал, что Пак Дончоль и я были на одном уровне. Неудивительно, что они относились ко мне как к равному.

Я молчал, размышляя.

— Хм...

Было так тихо, что я слышал тиканье часов. Звонок на следующий урок вот-вот должен был прозвенеть, но никто не вставал. Я чувствовал их взгляды, все трое пристально смотрели на меня, ожидая ответа. Холодный пот выступил на ладонях. Верно. Это я тут блефовал.

— Эй.

Но я не хотел становиться Пак Дончолем.

Моя гордость не позволяла. Меня бесила сама мысль, что меня назовут Пак Дончолем 2. Если кого и стоило так называть, так это Пак Дончоля, а не меня. Так что я не собирался выбирать путь тупицы, который наделал все эти ошибки до меня.

— Даже если я скажу ему, у меня нет доказательств. Ты правда думаешь, что Минхо мне поверит?

Так что я выбрал путь отступления.

<http://bllate.org/book/12586/1663984>